

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МУСУЛЬМАН СИБИРИ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Шершнёва Елена Александровна

Варшавская Наталья Александровна

Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

Вторая половина XIX – начало XX вв. период, ознаменовавшийся в Российской империи коренными преобразованиями во всех сферах общественной и экономической жизни общества. Преобразования, начатые в этот период в вооруженных силах Империи, не могли не затронуть интересов мусульманского населения, проживающего в Сибири. Организация духовной жизни военнослужащих, исповедующих ислам, являлся одним из важных вопросов стоящим перед правительством. Отдельное внимание в рамках данной реформы было уделено вопросу возможности привлечения иногородческого населения Сибири, исповедующего ислам к военной службе.

Работа подготовлена в рамках гранта РНФ «Социокультурная адаптация и взаимодействие религиозных общин центральноазиатских окраин России и Монголии в условиях модернизационных процессов во второй половине XIX – первой четверти XXI в.» (проект №26-48-03003)

Вторая половина XIX в. ознаменовалась началом кардинальных реформ во всех сферах жизни российского общества и вооруженные силы не стали здесь исключением. Реформированием экономического и общественного устройства не могло не затрагивать различные этнические и религиозные группы, проживающие в стране. Особое внимание при проведении реформ в вооруженных силах следовало уделить представителям исламской традиции. Мусульманское население составило иррегулярные военные формирования будучи отнесенным к казачьему сословию несло военную службу в том числе и на территории Сибири [1, с. 95].

До начала реформ мусульманское население Сибири не призывалось в армию, а несение военной службы считалось для них делом добровольным [7, Л. 70.]. К тому же большая часть мусульманского населения Сибири имело статус «инородцев», который освобождал их согласно «Устава об оправлении инородцев» от несения воинской повинности. Однако, для той части мусульманского населения, которая выполняла воинский долг, одной из главных проблем являлось удовлетворение своих духовных потребностей. В вооруженных силах Российской империи отсутствовали муллы, которые могли оказывать духовную поддержку. В 1855 г. были приняты «Правила устройства духовной жизни магометанского казачьего сословия», которые затрагивали и мусульман Сибири. В рамках действующего нормативно-правового акта, была организована духовная жизнь мусульман-казаков. Однако, оставался не решенным во второй половине XIX в. вопрос об освобождении от службы лиц мусульманского вероисповедания в дни религиозных праздников [8]. В 1866 г. Военным министерством был направлен запрос в Департамент духовных дел иностранных исповеданий о предоставлении разъяснений по вопросу, кто и в какие дни следует освобождать от несения военной службы [10, Л. 1–1 об.]. Окончательно данный вопрос был решен только в 1910 г.

Российское правительство с одной стороны демонстрировало определенную лояльность в отношении мусульман, несших военную службу, а с другой, осуществляло максимальный контроль даже за личной жизнью. При этом, все предпринимаемые меры аргументировались, как воспитание в мусульманской среде лояльности и преданности русскому царю [5].

В Журнале Комитета по привлечению инородцев Тобольской губернии к отбыванию воинской повинности за 1874 г. говорилось о необходимости подготовить особые правила для инородцев по привлечению их к несению военной службы. При этом следовало учитывать их этнические особенности [6]. Вопрос о возможности привлечения к военной службе сибирских инородцев обсуждался в 1896 г. в штабах Иркутского и Омского военных округов. По результатам рассмотрения данного вопроса было определено, что привлекаться на военную службу могут инородцы только Томской и Тобольской губерний [3, с. 82–83; 4].

Оренбургское магометанское духовное собрание со своей стороны стремилось поддерживать правительство в проводимых реформах. В частности, особое внимание уделялось контролю за приходским духовенством в правильности составления списка будущих призывников [11]. Муллы в Сибири уклонялись от

составления подобного рода списков, аргументируя свои действия, тем, что прихожане не подлежат воинской обязанности [12]. В обязанности мусульманского духовенства входило и донесение до своих единоверцев правительственных распоряжений в том числе касающихся и военной службы [2, Л. 1].

Преданность русскому престолу и готовность к несению военной службы на благо отечества была продемонстрирована мусульманским населением Сибири с началом Первой мировой войны. В городах Омске и Петропавловске прошли патриотические манифестации, в которых мусульмане приняли активное участие. Муллы в мечетях молились за победу России, а также активно осуществлялись сборы на нужды армии [9, с. 72].

Таким образом, несмотря на готовность к военной службе и преданность российскому императору правительство в определенной степени с настороженностью относилось к мусульманскому населению в вооруженных силах. С введением всеобщей воинской повинности численность мусульман в войсках увеличивалась, однако вопрос удовлетворения их духовных потребностей оставался по-прежнему не решенным. Не однозначной была и позиция Оренбургского магометанского духовного собрания. Выполняя функции государственного органа, оно стремилось реализовывать принятые Указы в мусульманской среде. Однако, что касалось интересов самих мусульман, то они практически не решались данным органом. Затруднялось решение многих вопросов связанных с соблюдением религиозных предписаний мусульманами, несшими военную службу. К тому же для правительства оставался открытым вопрос о привлечении к отбыванию воинской повинности инородческого мусульманского населения Сибири. Однако, несмотря на все сложности, мусульманское население региона продолжало оказывать посильную помощь вооруженным силам России в годы войны и демонстрировало преданность русскому государству.

Литература

1. Варсонофьев, В. В. Этноконфессиональные воинские формирования как важнейший механизм формирования национальной идеологии: исторический опыт и перспективы / В. В. Варсонофьев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – Вып. 2 (21). – С. 93–106.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4750.
3. Дамешек, Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. – 2014. – Т. 7. Серия «История». – С. 79–87.
4. Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А. Организация военной службы мусульманского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 38–48.
5. ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5629.
6. ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1269а.
7. ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15772а.
8. Кузнецов, В. А. «... Единственное утешение, прибежище и надежда солдата во всех опасностях». Традиции православия и ислама в русской армии / В. А. Кузнецов // Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конференции / Сост., науч. ред. Н. А. Антипин. – Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей, 2014. – С. 8–17.
9. ПСЗ – II. Т. LII. Ч. 1. № 57518
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181.
11. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 11068.
12. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 868.